

Фоменко Ю.В. Язык и речь: Учеб. пособие. Новосибирск, 1990.

Фоменко Ю.В. Русистика конца 20 – начала 21 века. Достижения и заблуждения // Современная русистика: Поиски и проблемы: Сб. ст. Новосибирск, 2002.

Фоменко Ю.В., Свистунова Н.Ю. Теория семантического согласования слов и некоторые негативные явления речевой практики // Филологический ежегодник. Омск: Ом. гос. ун-т, 2002. – Вып. 4.

П.А.ЛЕКАНТ

Московский областной педагогический университет

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Рациональная природа грамматической системы в полной мере проявляется в структуре русского предложения. Грамматическое учение о предложении также ориентировано на рациональные основания и критерии. Предназначенность предложения, его коммуникативная функция связывается преимущественно с выражением и сообщением мысли. В современной синтаксической науке, при всей ее разносторонности, еще не реализован в полной мере тезис В.В.Виноградова: “Грамматика рассматривает формы синтаксического выражения мысли, чувства и воли во всех особенностях их конкретного речевого строения” [Виноградов 1955: 393]. Эмоциональность как одно из важнейших и самых ярких качеств личности говорящий реализует в конкретном высказывании. Реакция на окружающее, отношение к действительности, к адресату, к его речи, к речи третьего лица, к собственной речи включает эмоциональный компонент – либо в виде конкретного языкового знака, либо в виде подчеркнутого или неосознанного “равнодушия”, т.е. сугубо рационально. Эта личная, субъективная реакция оформляется объективными лексическими и грамматическими средствами.

В эмоциональном арсенале русского предложения мы выделяем четыре способа представления эмоциональной семантики; это: а) эмоциональная окраска, б) эмоциональное отношение, в) эмоциональная оценка, г) эмоциональное состояние.

Эмоциональная окраска – это уникальный способ представления личной эмоциональной реакции говорящего на собственное высказывание. Этот способ представлен в грамматической систе-

ме русского языка специализированным типом предложения – восклицательным.

После довольно продолжительного периода колебаний, неопределенности грамматическое учение о предложении определило место восклицательного предложения в системе функциональных типов. Статус эмоционального варианта относительно типов по “целеустановке” [Грамматика русского языка 1954: 368; Русская грамматика 1980: 89] объективно отражает сложное “переплетение” рационального и эмоционального в речи вообще, в предложении – в частности. “Эмоциональный язык не может быть в полном разрыве с интеллектуальной речью (так же как и наоборот)” [Виноградов 1947: 746].

Интонация как универсальный “инструмент”, которым располагает говорящий, представляет в восклицательном предложении не только общую эмоциональную окраску высказывания, но и все детали, все оттенки личного отношения. “Чувства наши мы выражаем не столько словами, сколько интонацией” [Пешковский 1959: 177]. Сложное переплетение “чисто” эмоционального, оценочного, рационально-модального (желательность, долженствование и т. д.) выражается посредством интонации и “сопутствующих” единиц – “структурных слов”: частиц, междометий, например; ср.: *Эй, вы, сани! Что за сани! Звоны мерзлые осин* (Есенин); *О, если б в небо хоть раз подняться!* (Горький); *О, как же ты прекрасен, тусклый Кремль мой!* (Цветаева); *Боже мой! Как я ошибся, как наказан!* (Пушкин).

При всем разнообразии средств эмоциональной окраски возможно говорить о наличии в русском языке универсального оператора личной эмоциональной реакции говорящего: это *как* (*какой*) – гибрид местоимения и частицы. “Введение” его в состав повествовательного предложения порождает восклицательный эмоционально окрашенный вариант; ср.: *Река. Вдали берега. Как пусто! Как ветер воет вдогонку с Ладоги!* (Маяковский) – Река. Вдали берега. Пусто. Ветер воет вдогонку с Ладоги.

Обобщенным (инвариантным) компонентом семантики оператора *как* (*какой*) является указание на личную эмоциональную реакцию говорящего, важны и другие составляющие: адресованность, градация (или даже гиперболичность), акцентирование эмоционального состояния говорящего; напр.: *Как долго телефон молчит! Как громко тикают часы!* (Рождественский).

Среди восклицательных предложений могут быть, по-видимому, выделены и “эмоционально окрашенные модели” [Скобликова 1979: 26]; например: *Настали святки. То-то радость!* (Пушкин).

К средствам эмоциональной окраски примыкают устойчивые, воспроизводимые единицы: *Еще бы! Вот тебе и на! Как бы не так! Вот еще!* [Озерова 1966: 13] – эквиваленты предложения, показатели эмоциональной реакции на чужую речь; например: – *Василий Михайлович, опять лошадь украли... – Черт знает что такое! Это ни на что не похоже!* – *разгорячился Волынец* (Мамин-Сибиряк).

Эмоциональное отношение – это один из аспектов реализации говорящим своей коммуникативной установки – быть правильно понятым. В качестве синтаксического средства данный аспект реализует функционально-прагматическую категорию вводности, конкретно – вводно-эмоциональные компоненты *к счастью*, *к сожалению*, *к моему удивлению* и др.

Эмоционально отмеченное высказывание подчеркнуто ориентировано на адресата. “Говорящий установлен именно на ответное понимание: он <...> ждет ответа, согласия, сочувствия, возражения, исполнения и т. д.” [Бахтин 1986: 260].

Вводные компоненты с семантикой эмоционального отношения включаются в предложение в качестве носителя модусного смысла. Обращает на себя внимание однотипная форма этих вводных компонентов, что, по-видимому, послужило В.В.Виноградову поводом назвать их “продуктивным типом вставных синтагм” [Виноградов 1947: 738]; чуть позже (1950) – “вводных синтагм” [Виноградов 1975: 70].

Определение значения вводных компонентов как эмоционального несколько условно, ибо среди них есть такие, как *на беду*, *к счастью*, *к нашему горю* и др., которые обозначают категории более широкого плана – состояние, положение; *к счастью* сближается с оценкой (“хорошо”), *к несчастью* – “плохо”; ср.: ***К счастью***, *Егор записал телефон того могучего товарища* (Шукшин) – хорошо, что...; *Прошлогдних сокровищ моих Мне надолго, к несчастью, хватит!* (Ахматова) – хватит надолго, и это плохо; см. также: *Сеня стал опять говорлив, что в последние годы, к утешению Гали, пошло на убыль* (Распутин) – и это утешало...

Однако среди вводных компонентов эмоционального отношения все-таки преобладают те, в которые включены существительные, называющие “чувство, переживание, с точки зрения которого оценивается сообщение или которым сопровождается выраженный в сообщении факт” [Виноградов 1975: 70]: *радость*, *удивление*, *негодование*, *ужас*, *сожаление* и т. д. Например: *Граф пожал руку дяде, к удивлению Анны Федоровны, и ее руку, не целуя, пожал только* (Толстой); *Марк вылез из кровати и подошел к свечке, к большой радости брата* (Короленко); ***К сожалению***, *он был у нас*

единственным архитектором, и за последние 15-20 лет на моей памяти в городе не было построено ни одного порядочного дома (Чехов).

Эмоциональное отношение мотивируется конкретным содержанием предложения и ситуацией, которая может оказаться для говорящего неожиданной или ожидаемой, желательной или нежелательной, благоприятной или неблагоприятной, терпимой или нетерпимой. Говорящий может обозначить не свое эмоциональное отношение, а другого лица, которое в этом случае должно быть названо в составе вводного компонента (см.: брат, Анна Федоровна); это субъект эмоционального отношения.

Вводный компонент может быть усилен атрибутивной словоформой с градуальной семантикой (*большой, великий, неслыханный, неопиcуемый, полный, невероятный, непостижимый* и т. п.). Например: *Итак, за время, пока я считаюcь взрослым, к великому огорчению моего отца, городского архитектора, я переменял девять должностей* (Чехов); *В общем, я купил, к великой радости Гайдара, барометр* (Паустовский).

Продуктивность модели вводно-эмоционального компонента проявляется и в том, что она может быть реализована для передачи смежных оценочных категорий — чести, блага, заслуги и пр.: *Есть мгновения, когда ни единого звука нельзя вымолвить. И, к счастью, к великой радости нашего путешественника, он ничего и не вымолвил* (Бунин).

Таким образом, сфера эмоционального отношения расширяется, представляется менее определенной, она включает “оценку сообщаемого факта с точки зрения общих категорий счастья, несчастья, беды и т. п.” [Грамматика русского языка 1954: 155-156].

Содержание эмоционального отношения, как и эмоциональной окраски, не может быть точно очерчено, ограничено, поскольку эмоции говорящего переплетаются с интеллектуальной или модальной оценкой и совмещаются в семантике эмоционально-экспрессивных лексических единиц, например: недоумение, удивление, утешение, удовольствие, удовлетворение, зависть и др. [Грамматика русского языка 1954: 368].

Наличие эмоционального семантического компонента и сама форма “вводной синтагмы” определяют особый тип высказывания, в котором “заключается эмоциональное освещение самой изображаемой действительности” [Виноградов 1947: 738].

Эмоциональная оценка реализуется преимущественно в акте предикации на правах диктумного смысла; например: *Ехать верхом в это время — настоящее наслаждение* (Мамин-Сибиряк). Эмоциональный предикат представляет квалификацию действия,

поступка, события. Идеальной синтаксической формой данного акта является двусоставное предложение с подлежащим инфинитивом или девербативом (ср.: *Езда верхом — наслаждение*); в составе сказуемого имя существительное или предикатив — именованная чувства: *А мне, братцы, наипервейшее удовольствие — рыбку ловить* (Чехов); *Вот счастье — жить в тихом уголке, с милой, умной, простой женою!* (Толстой); *Досадно это мне — прятаться!* (Горький).

Далеко не всегда в оценочном предикате представлена “чисто” эмоциональная семантика. Эмоциональная оценка совмещается с оценкой “хорошо — плохо” [Маркелова 1993: 95], с модальной, интеллектуальной; ср.: *Подсматривать подло, а пересказывать низко, гнусно, мерзко* (Чехов); *Льстить нехорошо, а польстить немного позволительно* (Островский); *Быть знаменитым некрасиво! Не это поднимает ввысь* (Пастернак). “С категорией модальности соприкасаются и даже частично переплетаются с нею разные виды и типы эмоциональной экспрессии (например, возмущения, угрозы и т. п.)” [Виноградов 1975: 62, 66].

В тексте оценка события может быть вынесена за пределы предложения и представлена в виде оценочного высказывания; например: *Вино-то, вино-то, значит, что делает. Скверность!* (Толстой); [Аксюша] *Жених! Кому нужен такой жених?* [Гурмыжская] *Вздор! Ты глупа.* (Островский); *И вот тоже очень волнующий момент — когда разгорается. Ах, славный момент!* (Шукшин).

Типизированной формой представления эмоциональной оценки действия на правах модусного смысла является сказуемое, включающее спрягаемую форму оборотов *иметь — счастье, удовольствие, честь; глупость, наглость, подлость* и под.; напрмер: *Я имел подлость убить сегодня эту чайку* (Чехов); ср.: *Убить чайку — подлость.*

Эмоциональное состояние — это фрагмент функционально-семантического поля состояния, диктумный смысл. Его специфика состоит, во-первых, в непосредственной близости к лицу говорящему (зачастую именно его эмоциональное состояние представлено в конкретном предложении), во-вторых, в обозначении тех же самых чувств, которые составляют содержание эмоциональной окраски, эмоционального отношения, эмоциональной оценки. Конечно, мы имеем в виду не буквальное лексическое тождество в пределах эмоционального аспекта высказывания, хотя и оно имеет место.

Представление эмоционального состояния лица в “формах синтаксического выражения” — это четко организованная система [Лекант 2003: 5-7].

Предикат эмоционального состояния представлен в четырех формах: 1) глагол – “состояние в виде действия” [Щерба 1957: 75]: *Я так измучилась, я так истосковалась* (Северянин); *Младой ямицик бежит с полночи; Ему взгрустнулося в тиши* (Глинка); *Мне пока горевать еще рано* (Есенин); 2) предикатив – личный (“краткое прилагательное”) и безличный – “дативное предложение” [Гришина 2002: 109]: *Я странно счастлив, я влюблен* (В. Брюсов); *Что, мой друг, ты так грустна?* (Тургенев); *Мне страшно, мне душно, мне больно. Но я повторяю: люблю* (Брюсов); 3) имя существительное – модель *Я в тревоге*, модель *У меня тревога*: *Я был в чадy, в угаре* (Паустовский); *И я, и я в разлуке изнемог. И я в тоске!* (Северянин); *Теперь во мне спокойствие и счастье* (Тургенев); *Он весь – довольство и радость* (Тургенев); 4) описательный оборот: *Явились вы – душа пришла в волнение* (Добролюбов); *Ее берет девическая злость* (Тургенев); *Такой же гнев его обуревал* (Пастернак).

Указанные формы предиката вносят существенные различительные компоненты в семантику моделей, равно как и формы субъекта, что само по себе интересно и заслуживает отдельного специального рассмотрения.

В заключение отметим, что предложения с семантикой эмоционального состояния, в свою очередь, могут иметь эмоциональную окраску; ср.: *Боже мой, отчего мне так тяжело!* (Чехов); *Ах, когда б вы знали, как тоскуется...* (Пастернак).

Литература

- Бахтин М.М. Проблема речевых жанров / Эстетика словесного творчества. М., 1986.
- Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.
- Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.
- Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Вопросы грамматического строя. М., 1955.
- Грамматика русского языка. Т. 2, ч. 1. М., 1954.
- Гришина Н.И. Дативные предложения в парадигматическом аспекте. М., 2002.
- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

Лекант П.А. Рациональное и эмоциональное в русском предложении: семантика эмоционального состояния // Русский язык: номинация, предикация, образность. М., 2003.

Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке. М., 1993.

Озерова Н.И. Структурные типы эмоциональных предложений в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1966.

Пешковский А.М. Интонация и грамматика / Избранные труды. М., 1959.

Русская грамматика. Т. II. М., 1980.

Скобликова Е.С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. М., 1979.

Щерба Л.В. О частях речи в русском языке / Избранные труды по русскому языку. М., 1957.

Б.И.ОСИПОВ

Омский государственный университет

ИЕРАРХИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Иерархический характер отношений между грамматическими категориями языка в принципе, видимо, не может вызывать сомнений. Однако структура этой иерархии разным исследователям представляется различной. В предлагаемой статье автор не ставит целью проанализировать эти различия, а ограничивается изложением собственного видения проблемы, лишь в отдельных частных моментах позволяя себе полемику.

Думается, иерархия грамматических категорий должна рассматриваться в естественной последовательности порождения основного грамматического элемента речи — предложения. С чего начинается такое порождение? Очевидно, с выбора того, *о чем* мы будем говорить (диктум) и *как* (модус)¹.

Под вопросом *о чем* я понимаю не предмет мысли, которому предстоит приписать какое-то свойство, и тем более не грамматическое подлежащее, а тот фрагмент внешнего или внутреннего

---

¹ Терминология так называемого семантического синтаксиса ещё не устоялась. Вместо терминов “диктум” и “модус” употребляются также термины “пропозиция” и “пропозициональная установка”. В американской традиции им соответствуют термины “глубинная и поверхностная структура”. Ср., например: [Арутюнова 1990: 401; Саввина 1990: 110].